

Колонна из пяти фур медленно двигалась по Среднерусской равнине. В Белгороде к ним должны были присоединиться еще три машины. Гуманитарный груз был собран очень быстро, и Юра едва успел напроситься в одну из машин волонтером. Всё происходило вообще очень быстро в эти сутки. Фактически за эти сутки переменялась вся жизнь.

Юра нарекся волонтером, однако первоначально никаких конкретных планов у него было. Он мог после доставки груза уехать восвояси, а мог и остаться воевать. Или, скажем, остаться специальным корреспондентом на журналистских правах (хотя какие там были права у журналистов в этом жарком августе 2008-го, в южной горной стране, города которой вдруг так внезапно и легко стали бомбить?).

Юра учился на третьем курсе филфака по специальности «практическая журналистика», так что он нашел бы, как остаться в Осетии по своему странному журналистскому праву, или журналистской дерзости. Впрочем, он очень смутно осознавал, что и как будет делать, он полагался на судьбу, что она подскажет. Так он рассказал мне при встрече. Рассказал также про тот момент, когда по новостям передали, что Цхинвал бомбят «Градами». Рассказал, как через час он уже говорил с куратором гуманитарной колонны, которая отправлялась на следующий же день. Через каких-то друзей, приятелей друзей и приятелей друзей приятелей Юра вышел на этого куратора. Позвонил. Разговор вышел глупый и короткий. А на следующий день утром на автовокзале он встретил куратора, познакомился с водителем, сел в машину и поехал.

Странное чувство было тогда у Юры. Ему было весело от самого себя и хорошо от того, что он сделал, на что решился. Свободу свою, перемешанную с весельем, он чувствовал в себе почти как вещество,

где-то в крови, в теле, чувствовал невероятно. Страх не было. На страх в его теле просто не хватало места, хотя сколько страха еще вчера вечером вместились в его ночное ожидание утра, того самого утра, когда он встанет наконец с кровати, оденется, возьмет рюкзак, в которой еще вечером собрал все необходимые вещи, закроет дверь на ключ, спустится в метро и доедет до Теплого Стана, откуда будут уходить фуры с гуманитаркой!..

Тогда, ночью, – ожидание, медленность, страх, который всю кровь сгустил в венах и мешал ей течь к мозгу, к сердцу, чтобы по-настоящему думать и чувствовать всё; но теперь страха нет, теперь свобода и радость, и сердце толкает кровь в мозг, в руки и в ноги, и всё в нем живет, мыслит, чувствует! И так все правильно, что он собрался и внезапно бросил университет, Москву и московскую жизнь!

В Осетии он все же возьмет в руки автомат. После Осетии добровольно окажется в российской армии, два года будет служить где-то под Москвой. А после армии – вновь на филфаке, где мы с ним и встретимся и где он расскажет мне обо всем, что видел. О развалинах Цхинвала, о беженцах, о трупах, о «подвигах» грузинских воинов, стрелявших по жилым домам, куда спрятались от них местные жители...

А в 11-м году после филфака Юра пропадет куда-то надолго, и мы с ним встретимся только прошлым летом в Донецке. В разгрузке и с автоматом, он поприветствует меня легко, будто мы не виделись только пару дней, а теперь встретились после выходных перед лекцией в холле филфака и обсуждаем прочитанную книгу. Мы и будем обсуждать прочитанную книгу, книгу войны, которую каждый из нас читал по-своему: Юра на практике, воюя, а я в теории, размышляя о смысле войны посреди самой войны.

Юра служил в батальоне моего дальнего, но хорошего московского приятеля, и этим вечером я пришел к ним в расположение.

– Значит, и ты здесь, – как-то довольно улыбаясь, сказал Юра, подливая в крепкий чай коньяка.

– Я не мог не приехать.

– Пишешь?

– Сейчас задумал докторскую писать. О войне.

– Тогда понятно. Давай к нам? – произнес он так же легко, как произнес слова приветствия, будто даже не обратив внимания на мой ответ о том, пишу я или не пишу, будто и вообще разницы нет, что я делаю, потому что дело, с точки зрения Юры, здесь может быть только одно и он им именно и занимается. И предлагает мне тоже.

Донецк в 14-м году был пуст. Обстрелы центра, магазины не работают. На улицах можно встретить БТР чаще, чем машину. Школы, университеты, библиотеки, магазины и кафе – всё пустое. Как в страшных фильмах. Только это не фильм. Чем заняться в пустом городе? Я и сам думал о том, чтобы примкнуть к какому-нибудь батальону, в то время это было сделать несложно, люди были нужны везде. Вроде бы у меня было дело – писать о войне, и я днями сидел у себя в съемной квартирке, читал, что писали о войне Бердяев, Эрн, Карсавин, Александр Зиновьев и другие мои коллеги из прошлого. Делал выписки, составлял список литературы, продумывал план, предмет-объект, актуальность...

– Если ты пишешь о войне, тебе надо повоевать. – сказал мне Юра. Я не удивился, что он не спросил, как меня вообще занесло в Донецк, какими путями, зачем. Всё нам было понятно. А кроме понятности была еще та самая свобода, о которой мне рассказывал Юра после

своего возвращения из Осетии в 2008 году. Я чувствовал её сам уже пару месяцев, пока находился в городе. И этой свободе было наплевать на прошлые пути, какими шел человек, ей был важен момент здесь и сейчас, но даже и его не хватало, она рвалась вперед, стремилась пожрать следующий момент во всей его полноте, со всеми его опасностями, рисками и подвигами. В этой свободе, рвущейся вперед, мы чувствовали свое бессмертие. Пусть и временное.

– А если бы все-таки стал писать о смерти, то мне надо было бы умереть? – отшучивался я намеренно, чтобы услышать от Юры, неглупого человека, еще какие-то аргументы, которых сам я для себя еще не находил, хоть и искал.

– Ну, смерть – это апофатика же, тебе ведь и Владимир Петрович тогда в аспирантуре говорил, что тема гиблая и что сказать ничего не получится.

– И тем не менее я сказал, и на двести страниц причем, и кандидатку защитил. – парировал я без хвастовства. Юра это понял.

– Да, но все равно это другое. – Юра закурил сигарету, дал мне тоже. Затянулся и задумался. – Тут не апофатика, потому отстраниться нельзя, тут познавать надо, потому что тут живой опыт, тут живая жизнь. Понимаешь, тут всё другое. Тут совсем не так, как в Осетии. И не как в Приднестровье. Тут еще больше свободы. Пока что. – Нахмурился он. – И вот пока она есть, её надо скорее использовать, взять максимум. Для русских здесь, конечно. Но и для себя. Экзистенциально взять себе этой свободы, понимаешь? Завоевать себе новые территории в своем сознании.

Я понимал всё, о чем говорил мой старый университетский товарищ, который после филфака, оказывается, успел еще побывать много где и набраться военного опыта. Я понимал, что он прав. И понимал, что мне надо решаться. Вопрос был прост на самом деле. И не был настолько судьбоносным, как мне казалось вначале.

– Ну вот и славно, – сказал Юра. – Сейчас придет политрук, он хороший у нас, тоже писатель, кстати. Погугарит с тобой для проформы, а завтра в путь. В Шахтерск.

За Шахтерск тогда шли жестокие бои...